
АНГЕЛА
АРНО
ИЗМЕНА
Такой мне не нужен
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Ангела Арно

Измена. Такой мне не нужен

«Автор»
2026

Арно А.

Измена. Такой мне не нужен / А. Арно — «Автор», 2026

— Дина, ты помнишь Юлию? — спросил муж.— Да, ты нас знакомил.— Я не знаю, как так получилось Но В общем, Юлия беременна.— Поздравляю— От меня, Дина.Вот так в один вечер разрушилась жизнь... Муж пришёл с работы с молодой особой, которая оказалась его беременной любовницей. Полгода он врал, прятался и изменял, а потом подленько убил. Десять лет брака перечёркнуты его похотью. А мне остаётся только гордо уехать из города в село и начать всё заново. Но, кто же думал, что именно измена бывшего мужа сделает мою жизнь ещё лучше!

© Арно А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Ангела Арно
Измена. Такой мне не нужен

Глава 1

Конец августа выдался очень сухим и душным. Город ещё жарился и задыхался, а в школе уже вовсю шла подготовка к новому учебному году. В коридорах стоял тот особенный аромат смеси краски, лака, мела, пыли и влажной уборки. Все готовились основательно, от директора до простой технички. Дина любила это время и свою работу и ненавидела одновременно. Ведь всё напоминало о начале тяжёлых и загруженных днях, новых тетрадях, гула детских голосов и новых задачах от министерства образования. А ещё закончился долгий отпуск и спокойные дни, жизнь снова превращается в сплошное расписание.

День выдался слишком долгим и слишком сложным. Сначала — планёрка, где отдохнувшие учителя ни в какую не хотели снова возвращаться в реальность; споры о классном руководстве и долгая поучительная речь директора. А после проверки классов на готовность принять своих учеников. И вишенкой стало первое родительское собрание сразу с родителями всех пятых классов. Выступил директор, она сама и только потом по очереди учителя, представляясь и оставляя свои контакты.

Когда родители стали задавать свои тревожные и волнующие вопросы, директор тут же сбежал, оставив Дину и учителей на растерзание. Не удивившись такому поведению своего начальника, ведь так было и в прошлом году, Дина отвечала ровно, мягко и привычно, будто на автомате. Когда к ней, как к заучу, вопросы закончились, она попрощалась и ушла, молясь, чтобы сегодня её уже никто больше не трогал.

Спрятавшись в своём кабинете, Дина уткнулась в ладони, мысленно перебирая не забыла она ещё что-то на сегодня. За окном дворник подметал асфальт, шаркающий звук метлы отвлекал и успокаивал одновременно. Поняв, что сегодня она успела всё, Дина стала складывать в стопку новые материалы. В принципе можно идти домой, вот только на душе было слегка тревожно. Что-то вроде того, когда в принципе всё хорошо, но в груди поднывает, и ты не можешь это понять. Телефон громко завибрировал на столе, и Дина вздрогнула.

Разблокировав мобильный, Дина тут же открыла сообщение от мужа:

«Дин, я немного задержусь. Ты как?»

Дина тут же набрала ответ улыбаясь:

«Нормально и непривычно. Чуть отвыкла от нагрузки»

«Ясно. Это… Нам нужно будет серьёзно поговорить»

«Что-то случилось?».

Но Лёша не ответил, а зелёный огонёк над его именем погас. Она перечитала сообщение несколько раз, хмурясь. Вроде обычные слова, ничего такого в них нет, но в груди сильнее сжалось предчувствие. «Серьёзно поговорить» простая фраза, после которой в голову лезут миллиарды мыслей и большая их часть не самые приятные. Тряхнув головой, Дина отложила телефон. Как же ей хотелось сейчас же немедленно узнать всё. Схватив снова телефон, она уже почти набрала мужа, но входящий звонок прервал её.

Аватарка подруги улыбалась с экрана. Приняв вызов, Дина зажала телефон между плечом и ухом.

— Дин, привет. Ты ещё в школе? — Голос подруги был слишком натянутым. Так говорят, когда готовят к плохому. — Уверена, что да. Можешь зайти ко мне на кофе? Есть разговор.

Дина покачала головой, собирая свою сумку. Сил не было куда-то ещё идти, она хотела домой.

— Свет, я не могу и не хочу. Устала жуть. Родители учеников всю кровь выпили.

— Понимаю, но мне, правда, надо тебе кое-что сказать… Дин?

В трубке что-то щёлкнуло, видимо, Света переложила телефон к другому уху. Её единственная подруга ещё с институтских времён и по совместительству коллега, учитель географии в их школе.

— Говори так, Пермакова.

— Блин… Ладно. — Голос у Светы понизился. — Дорогая, ты только не расстраивайся сразу, может, я не так всё поняла…

— Да говори уже.

— Я видела твоего Алёшеньку в городе. Не одного.

Света никогда не скрывала, что муж Дины ей не нравится, но старалась держать своё мнение при себе, чтобы не портить дружбу. Но если на Пермакову накатывало, то мужа Дины она категорично называла «Алёшенькой» с примесью брезгливости. Вот и сейчас эта брезгливость прорезалась в её голосе. Дина глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Хорошо. С кем?

— О, а я уже настроилась, что ты мне сразу скажешь закрыть рот и не продолжать. Дин, он был с женщиной, молодой такой. Но я не разглядела лица…

— Света. — Дина сама удивилась, насколько твёрдо прозвучал её голос. — Хорош. Он часто выбирается в город по работе. Может, это была коллега?

— Ага, конечно. Ты бы поговорила с ним.

— О чём? Что ты увидела его с какой-то молодой женщиной в общественном месте?

— Да, сейчас это звучит не очень, — хмыкнула подруга. — Но держи ушки по ветру.

— Спасибо за совет, дорогая. Кстати, он мне написал, что хочет серьёзно поговорить.

— Ой, хоть бы я была не права, — пискнула Света. — Надеюсь, ничего серьёзно. Ладно, Дин, держись и звони в любое время. Я с тобой!

— Спасибо, Светуль. Взаимно.

Дина сбросила звонок и ещё несколько секунд стояла неподвижно. Потом подхватила сумку, выключила свет и вышла в коридор. Шаги гулко отдавались в пустой школе. Где-то в конце коридора уборщица пела что-то протяжное, и от этого пения становилось не по себе.

По дороге домой Дина зашла в продуктовый магазин. Яркий свет, чужие лица, тележки, музыка из динамиков — всё такое привычное и должно было успокаивать, но нет. Дина сложила в корзину курицу, розмарин, чеснок, молодой картофель, сливки для соуса. А потом подумала и добавила бутылку красного вина. Она приготовит красивый ужин. Если Лёша хочет серьёзного разговора, она встретит его в тёплой кухне, где пахнет домом.

Выкладывая продукты на ленту кассы, Дина кивнула кассирше, а та с улыбкой спросила:

— Праздничный ужин будет?

— Да… Надеюсь, — ответила Дина.

Квартира встретила её тишиной и застоявшимся воздухом. Разувшись, Дина прошла к окнам и открыла их настежь. Августовский вечер входил внутрь медленно, вместе с шумом машин и далёким лаем собаки. Переодевшись в домашние шорты и футболку, Дина подвязала свои длинные светлые волосы в простой хвост и пошла на кухню, попутно включая телевизор — просто чтобы не было слышно собственных мыслей. На экране шёл очередной мыльный сериал для домохозяек. Слушая фоном, Дина готовила курицу, иногда кидая край глаза на телевизор, где были яркие платья, чужие слёзы и преувеличенные страсти.

Курица отправилась в духовку. Кухня постепенно наполнилась тёплым запахом трав и жареного мяса, а Дина стала нарезать картофель, помешивая соус и накрывая на стол. Две тарелки и два бокала, два столовых набора. Она делала всё машинально и чувствовала, как внутри неё растёт холодный ком. Она снова вспомнила разговор с подругой и сообщение мужа. Не бывает столько совпадений, ей не хотелось верить в худшее, но сердце внутри сжималось.

На экране телевизора как раз началась сцена, от которой Дина невольно усмехнулась. В дверях квартиры главной героини стояла любовница — холёная, решительная, с гордо поднятым подбородком и выпирающим животом.

«— Я беременна от вашего мужа, — сказала артистка»

Главная героиня смотрела на неё удивлённо, а потом громко рассмеялась.

«— Этого не может быть, милочка. Мой муж бесплоден».

Дина вымыла руки и покачала головой. В сериалах, как и в книгах всё было просто. Любовницы приходили, жёны разоблачали их, мужья оказывались или подлецами, или жертвами. В реальности так не бывает. В жизни всё запутаннее и очень больно. А ещё жизни никто не произносит таких пафосных монологов.

Дина так увлеклась сценой, что стала смотреть дальше с большим интересом. Героиня выгоняла любовницу, гордо выпрямив спину, драматическая музыка нарастала. Дина ухмыльнулась и потянулась за пультом, чтобы сделать звук громче. И в этот момент в прихожей хлопнула дверь.

Сердце гулко ударилось в рёбра, а Дина замерла с пультом в руке. Голос Лёши был ровный и слишком осторожный. Он кому-то говорил проходить и не бояться. Нахмурившись, Дина вышла в коридор и замерла.

Алексей стоял у порога, а рядом с ним переминалась с ноги на ногу молодая женщина в серой блузке и узкой, офисной юбке. Приглядевшись, Дина узнала её сразу. Юлия, сотрудница из отдела мужа, с которой он однажды познакомил их на корпоративном вечере. Тогда Юлия почти ничего не говорила, только улыбалась и держала бокал двумя руками, как будто боялась его разбить. Поймав взгляд Дины, Юлия коротко улыбнулась и кивнула ей.

— Дина, — сказал Лёша, подходя к ней. — Пожалуйста, выслушай нас спокойно.

Дина зацепилась за короткое слово «нас» и с трудом сглотнула. Он сказал «нас». Что происходит? Но вместо того, чтобы спросить почему «нас», Дина только кивнула. В груди сильнее сжалось, да так, что стало сложно дышать, будто лёгкие сжались в ожидании удара. Она отступила на шаг и пропустила их кухню, в которой умопомрачительно пахло розмарином и запечённой курицей.

— Вы голодны? — спросила Дина. Голос был даже для неё чужим. — Курица почти готова.

Алексей поморщился, словно от боли, и отрицательно покачал головой.

— Дина, не надо. Сядь, пожалуйста.

Он провёл Юлию к столу, и она села на краешек стула, не поднимая глаз. Дина осталась стоять возле рабочего кухонного стола, наблюдая за происходящим. В кухне было слишком тесно от троих людей. И слишком тяжело.

— Дина, ты помнишь Юлию? — спросил Алексей.

— Да, ты нас знакомил. — Дина смотрела на Юлию. — Что-то случилось?

Юлия замялась, а потом естественным жестом положила руку на свой плоский живот. Она бросила быстрый взгляд на Алексея, как будто искала в нём защиты. Дина заметила всё это и почувствовала, как под рёбрами больно бьётся сердце. Болючая догадка ударила молотом по голове, и ей пришлось опереться о стол спиной.

— Случилось, — сказал Алексей. — Присядь, пожалуйста.

Дина не двинулась, только отрицательно покачала головой. Она слышала, как героиня сериала ругает мужа, как тот падает на колени и просит прощения, а фоном играла грустная мелодия, будто специально под сцену, что сейчас разворачивается в её жизни.

— Я не знаю, как так получилось… — начал Алексей. Он посмотрел в сторону, потом на стол и на свои руки. — Уже и не надеялся. Но… В общем, Юлия беременна. Чёртов телек!

Лёша встал, взял пульт и выключил телевизор, а потом вернулся на своё место. В кухне стало слишком тихо, да так, что стало слышно, как капает вода из крана. Дина медленно пере-

вела взгляд с мужа на молодую женщину, на её руку на животе. В голове всё ещё звучала фраза из сериала: «Такого не может быть, ведь её муж бесплоден».

— Поздравляю… — сказала Дина, и её голос ей самой показался могильным.

Алексей поднял на неё удивлённые глаза. Такого он не ожидал, ведь готовился к крикам. И видимо подумал, что она его не поняла, добавил убивая:

— От меня, Дина.

Глава 2

Дина смотрела на тёмный экран телевизора, но видела совсем другое. Перед глазами была Юлия и её рука на плоском животе, этот жест, который Дина уже видела тысячи раз в кино и в жизни… но не с ней. В кухне висела давящая, густая тишина, что, казалось, вытяни руку и можно пощупать. Было слышно всё: как тикают часы на стене, как потрескивает курица в духовке и как тяжело, с присвистом, дышит Лёша. А у неё сердце бьётся в ушах оглушая.

Дина оперлась ладонями на рабочий стол. Ноги ослабели так внезапно, будто из-под них резко выдернули пол. Столешница была прохладной, гладкой — они выбирали её вместе, в том самом магазине на окраине города, где муж шутил, что они берут «камень для семейного очага». Она вцепилась в эту прохладу, как в единственную опору. В голове долбили его слова — «от меня, Дина», причиняя дикую, почти физическую боль. Десять лет брака, год отношений до этого и вот она чистая измена с последствиями.

Еле сглотнув вязкую слюну, Дина пожалела обо всём: о долгих годах надежды, анализов, графиков, таблеток, уколов, слёз в подушку и осторожных разговоров вполголоса, чтобы никто не слышал. Почти десять лет, когда она просыпалась с мыслью, что сегодня, может быть, получится, и засыпала с мыслью, что не получилось. Эти долбанные десять лет, когда она улыбалась на чужих крестинах и днях рождения, а внутри всё сжималось в тугой комок боли, который она никому не показывала. Даже Лёше.

А потом в памяти всплыл вечер. Она помнила его отлично — дождливый и серый, с запахом мокрого асфальта и остывшего чая. Они вернулись из клиники, и Лёша сел напротив неё на кухне.

— Дин, хватит.

Она не поняла сначала, а он взял её за руку, нежно поглаживая большим пальцем.

— Что хватит?

— Всего, любимая. Врачей. Надежд. Наших страданий. — Он смотрел на неё усталыми, честными глазами. — Я больше не могу видеть, как ты мучаешься. Давай просто жить дальше. Мы же любим друг друга, и у нас всё будет хорошо. Всё рано или поздно получится.

Она тогда много плакала. Долго, беззвучно, уткнувшись в его плечо, и верила каждому его слову. Верила, что Лёша сдался ради неё, чтобы избавить её от страданий и болючей надежды. Верила, что их любовь сильнее биологии и, что вдвоём — это тоже семья.

А теперь на её кухне сидела чужая женщина с его ребёнком под сердцем. Это теперь, получается, у них семья? А она тогда кто… или что?

Дина медленно выпрямилась. Внутри было пусто и кладбищенски холодно. Она повернулась к ним и обвела участников гибели своей прежней жизни острым взглядом. Алексей смотрел на неё — настороженно, как смотрят на незнакомого человека, от которого не знаешь чего ждать. Юлия же продолжала сидеть мышкой и не поднимала глаз.

— Сколько ты мне изменяешь? — спросила она, внутренне морщась.

Голос не дрогнул и слава богу. Она сама себе удивилась — откуда взялась эта ровность, эта холодная, почти хирургическая сталь. Воробьёв вздрогнул и нахмурил брови. Он точно ждал криков, слёз, истерики с битьём посуды. Он готовился к урагану, а получил штиль. И этот штиль напугал его ещё больше.

— Дин, прости. — Он сделал шаг к ней, но она отступила. — Но это уже не важно.

— Важно. — Дина смотрела прямо ему в глаза. — Просто ответь. Сколько?

Алексей опустил глаза, хмыкнул и запустил руку в свои светлые волосы, лохмача их. Он вернулся на своё место и нашёл руку Юлии, крепко сжимая. Этот жест ударил Дину сильнее любых слов, ей показалось, что она даже покачнулась. Он искал опору, но не в ней, не в жене, а другой женщине.

— Полгода, — сказал он тихо. — У нас всё серьёзно.

Полгода или шесть месяцев. Сто восемьдесят дней! Она прожила эти чёртовы дни, ничего не замечая и не подозревая. Готовила ему ужины, стирала рубашки, смеялась над его шутками, целовала на ночь и отдавала всю себя. А он в это время... Дана почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Не от измены, а от собственной слепоты и глухоты. Какая же она дура!

— Вот как, — сказала она тихо. А потом добавила громче: — А признаться? Честно всё сказать, тебе духу не хватило?

— Дина, давай без истерик? — Алексей повернул к ней голову. В его голосе появились раздражённые нотки — те самые, которыми он обычно отмахивался от мелочей. А теперь, получается, она ему мелочь? — Мы взрослые люди и можем говорить спокойно!

— Какие двойные стандарты!

Дина сквозь нарастающий шум в ушах услышала свой смех — короткий, с толикой горечи и до ужаса чужой. Смех вырвался из неё, как яд из кобры.

— Изменять полгода — это по-взрослому. Привести любовницу в дом — это по-взрослому. А прийти и честно поговорить, значит, истерика. Прятаться, скрывать, врать – тоже истерика!

Дину понесло. Она понимала, что от острой боли готова уже кричать на весь мир, но чем это поможет? Только убедит этого предателя и его подстилку, что она и правда истеричка. Остановившись, Дина закрыла глаза и досчитала до пяти, только потом продолжила:

— Хорошо, Воробьёв. Раз все здесь взрослые люди — тогда сам подавай на развод. И сам решай вопросы о разделе имущества. Хочешь быть быстрее со своей… Тогда действуй САМ!

Слова падали, как булыжники. Она кидала ими в него и чувствовала мизерное облегчение, зная, что потом снова и опять будет плохо. И держалась изо всех сил, не позволяя боли поглотить сознание, не пролить при этих нелюдях ни одной слезинки.

Глубоко дыша, Дина обвела кухню взглядом. Здесь каждая вещь была выбрана с любовью: плитка на фартуке — они спорили о ней три дня, и Алексей уступил, потому что она влюбилась в этот тёплый терракотовый цвет; светильник над столом — бронзовый, с матовыми плафонами, — она нашла его на блошином рынке и притащила домой, сияя от восторга; небольшой стол, но зато дубовый, тяжёлый, они вместе тащили его на четвёртый этаж без лифта, хохоча и ругаясь. Здесь всё было пропитано их общей историей. Их общей жизнью.

А детская. Дина закрыла глаза, хватаясь руками за столешницу. Та небольшая комната, рядом со спальней. Светло-жёлтые обои с крошечными зайцами, белый комод с разноцветными ящиками, колыбелька, которую они купили заранее — «на счастье». Муж тогда сказал: «Пусть стоит. Пусть ждёт». И она верила, что однажды эта комната наполнится смехом, плачем, топотом маленьких ног их малыша. А теперь... Её мечта умерла в ту самую минуту, когда Юлия положила руку на живот.

Дина горько вздохнула. В груди что-то резко оборвалось, как канат, державший её жизнь на высокой, вертикальной скале. Она открыла глаза и спокойно посмотрела на Воробьёва и его молодую любовницу, на их сцепленные руки.

— Знаешь, что самое страшное? — сказала она тихо. — Не измена. Не ребёнок. Самое страшное — что ты позволил мне поверить в нашу семью. В то, что вдвоём — это тоже семья. Ты уговорил меня отказаться от мечты, а сам не отказался и предавал меня. Ты просто нашёл другую женщину, чтобы получить то, что я не могла тебе дать. Ты ничтожество, Воробьёв.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Дина подняла руку не позволяя.

— Заткнись. Я больше не хочу ничего слышать. — Она выпрямилась. Спина закаменела, но она продолжала держать её прямо. — Проваливайте оба. Сейчас. Завтра я соберу твои вещи, а ключи оставь на тумбочке.

Дина повернулась к плите и выключила духовку, больше их видеть она не могла. Курица была готова — золотистая и ароматная, с хрустящей корочкой. Она достала противень и поставила его на стол.

— Дина... — позвал ещё пока муж.

— Уходи.

Она не кричала. Просто сказала — тихо, устало и окончательно. Сил не было ни на что, особенно их видеть.

Алексей поднялся и помог своей любовнице. Они молча вышли из кухни. Дина слышала, как в прихожей зашуршала одежда и как звякнули ключи, брошенные на тумбочку. Дверь открылась и закрылась хлопком.

Дина осталась стоять статуей на любимой, но пустой кухне. Посмотрев на накрытый стол, она горько улыбнулась – вот оно её женское предчувствие и его «серьёзно поговорить». Какая же ты скотина, Воробьёв! Открылся, когда уже прижали к углу, ждал до последнего. Но где-то глубоко внутри она ему позавидовала. У Лёши сбылась мечта, а у неё не осталось ничего: ни счастливой жизни, ни мужа, ни ребёнка. Она одна.

Слёзы градом хлынули из глаз. Опустившись на пол, Дина обхватила колени руками и уткнулась в них. Так плохо ей давно не было, будто её разрезали на части тупым тесаком. Болела душа, тело и всё, что можно было. Она была сама сгустком боли и только через слёзы могла немного сделать себе легче. Спасибо тебе женский организм за такую полезную функцию, как слёзы.

Глава 3

Когда слёзы высохли, а в груди осталась тупая, ноющая пустота, Дина медленно поднялась с пола. Колени ныли, а спина затекла, но она не чувствовала этого. Тело двигалось самостоятельно, отдельно от мозга, который продолжал вести свою работу — анализировать и искать выход. Она пошла в ванную, чтобы умыться холодной водой. В зеркале отражалось бледное лицо с красными глазами и плотно сжатыми губами. Вот так выглядит сломленная женщина. Та, которую подло предали два раза! Стукнув рукой по раковине, она почувствовала лёгкую, но такую сейчас нужную боль. Ещё жива, а, значит, надо действовать!

Её телефон лежал на столе, рядом с остывшей курицей. Дина взяла его в руки, отмечая, как дрожали пальцы, но она нашла в контактах номер директора и нажала вызов. Гудки тянулись долго, и она уже почти решила сбросить, когда в трубке раздался хрипловатый голос:

— Дина Сергеевна? Что-то случилось?

— Простите за поздний звонок, Пётр Николаевич. — Она старалась говорить ровно и спокойно, будто обсуждала расписание уроков. — Мне нужны несколько дней отгулов. По семейным обстоятельствам, — сразу добавила.

Пётр Николаевич был добрым, но строгим человеком — из тех старых учителей, которые знали цену дисциплине и не любили сюрпризов.

— Семейные обстоятельства, — повторил он медленно. — Перед началом учебного года?

— Да. — Дина не стала объяснять. Она не могла и не хотела, чтобы все знали её беду. — Это очень важно. Вопрос жизни и смерти.

Он помолчал ещё немного. Она слышала, как он тяжело дышит, решая для себя, а потом вздохнул:

— Хорошо, Дина Сергеевна. Несколько дней. Но не затягивайте, пожалуйста. Вы нам очень нужны.

— Спасибо, Пётр Николаевич. Я постараюсь... Ещё раз спасибо.

Она быстро сбросила звонок, пока он не передумал, и на секунду прикрыла глаза. Одна проблема решена. Осталось ещё приблизительно… сто.

Света ответила после первого гудка.

— Дин?!

— Света, ты была права… — Дина всхлипнула в трубку. — Ты можешь приехать? Мне так плохо…

— Ничего больше не говори. Уже еду.

Через полчаса, хотя Дине показалось, что прошла целая вечность, в дверь позвонили. Она открыла подруге, которая стояла на пороге вся растрёпанная, с коробкой торта в руках. Увидев Дину, Света побледнела и тут же протянула руки, притягивая к себе и крепко обнимая.

— Господи, Дин. Бедненькая моя…

Уткнувшись в шею подруги, Дина снова разрыдалась. Света стала молча гладить её по волосам, успокаивая односложными уменьшительно-ласкательными словами. Света провела их на кухню, кое-как поставила торт на стол и чуть отодвинула от себя подругу.

— Чукча моя.

— Откуда столько слёз, Свет? Я так много плакала только в детстве.

— От верблюда. Плачь, дорогая, это полезно. Он с ней пришёл?

Дина кивнула, поражаясь проницательности подруги. Света махнула рукой, мол, неважно и открыла торт, раскладывая куски по пустым тарелкам. Потом разлила вино, протягивая бокал Дине.

— Рассказывай всё в мельчайших подробностях.

И Дина рассказала. Она говорила долго, сначала сбивчиво, потом всё ровнее и быстрее, всё с самого начала. О том, как Алексей пришёл с Юлией, и та положила руку на живот — на плоский, ничего не выдающий живот. О его словах: «От меня, Дина» и как она чуть не умерла в тот момент. О том, как он держал любовницу за руку, беспокоясь о ней, а не о законной жене. О том, как сказал, что у них «всё серьёзно» и их семья уже как полгода не семья. О том, как она выгнала их и потом, как сидела на полу и рыдала в голос.

Света слушала молча, только рукой она то гладила руку подруги, то крепко сжимала. Когда Дина закончила, она попросила:

— Опиши её... Эту молодую сучку.

— Лет так на десять нас моложе, бледнющая. Волосы светлые, собраны в хвост. Одета в офисную одежду. Видимо, сразу после работы ехали сюда. Глаза… — Дина поморщилась. — А глаза как у побитой собаки — виноватые. Но при этом она пришла в мой дом, Свет! И села за мой стол…

Света медленно кивнула. А потом громко выматерилась, вызвав лёгкую улыбку у Даны.

— Это она. Я видела их в «Пассаже».... Алёшенька держал её за руку. Я тогда не разглядела лица, но теперь… Теперь всё сходится.

Свет замолчала, а потом отпила вина и сказала тихо:

— Дин, мне так жаль. Я не знала, как тебе сказать. Я боялась ошибиться и что ты мне не поверишь.

— Ты и не должна была. — Дина тоже отпила. Вино было терпким, тёплым, и оно немного согрело горло. — Это его вина и его выбор, который меня убил. Вот скажи, зачем так усложнять? Почему нельзя жить честно? Я же не изверг и всё могу понять. Только не такую подлость…

— Согласна. Только вот мужики думают совсем по-другому и другим местом.

Дина хмыкнула и стёрла очередную слезу. Они ели торт, пили вино и говорили, вот только легче не становилось. Всё ещё больно до спазмов в груди.

— Что будешь дальше делать? — спросила Света.

Дина поставила бокал и обвела глазами кухню — плитку, которую они выбирали вместе. Светильник с блошиного рынка, дубовый стол. Дверь в коридор, за которой была детская с жёлтыми обоями и белым комодом.

— Пока не знаю, — сказала она честно. — Тут жить точно не смогу.

Света кивнула в понимании.

— Очень плохо мне, — Дина подняла лицо вверх, сдерживая слёзы. — И душно в этом городе.

— Ты всегда об этом говорила, — тихо сказала Света. — Помнишь, ещё в институте? Ты говорила, что хочешь уехать куда-нибудь, где небо шире.

Дина горько усмехнулась, вспоминая свои слова. Да, она так говорила раньше и мечтала жить в деревне. Глупо, но факт.

— Тогда это была мечта. А теперь — необходимость.

Света вдруг выпрямилась. В её глазах загорелся тот самый огонёк, который Дина знала с юности — огонёк решимости. Хлопнув по столу ладонью, Света выдала:

— Слушай. У моей тётки, царствие ей небесное, в селе остался хороший домик. — Она говорила быстро, как будто боялась, что Дина недослушает. — Я тебе про него рассказывала. В Заречье. Дом крепкий, с дровяной печкой, с садом и огородом. Тётя Тамара там жила до самой смерти, а после неё никто не ездит. Дом пустует, но за ним присматривает соседка.

Дина кивнула, вспоминая, что Света делилась этим.

— А в самом селе есть школа. Небольшая, но хорошая, наверное... Сама знаешь, что сейчас везде не хватает хороших кадров. Вот и там не хватает учителей. — Света подалась вперёд,

играя бровями. — Ты можешь туда поехать. Хоть на месяц, хоть на год пожить, подышать, разобраться и прийти в себя. Ну, как тебе идея?

Дина смотрела на неё в удивлении.

— Ты предлагаешь мне уволиться и уехать в сельскую местность?

Света не отвела взгляда, много раз кивая.

— Да! Почему нет? Что тебя тут держит? — Она пожала плечами. — А если не понравится, всегда можешь вернуться. У тебя есть мамина квартира. Небольшая, но своя, а это огромный плюс. А в нашей школе тебя примут обратно с распростёртыми объятиями. Ты же знаешь, Пётр Николаевич тебя обожает.

Дина повернула голову к окну, обдумывая такое нелепое и в то же время идеальное предложение. В голове проносились молниеносные мысли, как скоростные поезда. Уволиться и уехать. Оставить всё это — квартиру, стены, воспоминания, детскую с зайцами на обоях. Начать с нуля в селе, где нет ни Лёши, ни Юлии, ни их ребёнка. Где никто не знает её историю и где можно просто быть самой собой.

— А дом? — спросила она. — Он в порядке?

— Соседка говорит, что крыша целая, а печка работает как часы. Мебель осталась, но кое-что подремонтировать придётся. Дин, там жить можно спокойно. — Света улыбнулась. — И главное — там тихо, понимаешь? По-настоящему тихо.

Дина представила картинку: утро, туман над рекой, петухи и запах дыма из печки. Никаких гудков, никакой суеты и никаких чужих глаз. Только она и небо — широкое, как в детстве.

— Я подумаю, — сказала Дина. — Завтра обязательно скажу.

— Конечно, — кивнула Света. — Но не тяни. Иногда нужно просто прыгнуть.

Света ушла довольно поздно. Она обняла Дину на пороге, зашептав на ухо:

— Ты справишься, — сказала она. — Ты всегда справлялась. Ты моя сильная подружечка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.